

ТЯЖЕЛОЕ ПАДЕНИЕ

ФЕДОР ЛАНДРИН

ТЯЖЕЛОЕ ПАДЕНИЕ

мистический триллер

Москва 1999

Тяжелое падение: Мистический триллер. – Москва., 1999. – 93 с.

Однажды к модному фотографу Вадиму Набокову явился странный человек, назвавшийся полковником Максом Греном. Он предложил Вадиму и его подруге, известному кинокритику Лауре Боярдо совершить увлекательное и загадочное путешествие в собственное прошлое и прошлое их друзей, где они стали невольными свидетелями подлинной истории пропажи «Янтарного кабинета» из Кенигсберга.

Настоящее произведение и никакая его часть не могут быть воспроизведены в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

В случае нарушения авторских прав наступает гражданская, уголовная и административная ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

© Федор Ландрин. Тяжелое падение. Мистический триллер. 1999.

Едкий, сладковатый дым горящей бумаги тонкой струйкой скользнул по губам и запершил в гортани.

Он закашлялся и, с трудом оторвав голову от подушки, открыл глаза.

В устоявшемся сизом сумраке спальни, в углу — там, где едва различимая белая стена смыкалась с волнистой линией задернутых гардин, он увидел смутный силуэт человека с малиновой повязкой на рукаве и мерцающими зигзагами молний на воротнике черного мундира, перетянутого ремнями.

Он почувствовал, что черный человек, будто вышедший из стены, пристально, словно ощупывая, рассматривает его.

«Кто это?» — Он попытался приподняться на локтях, но какая-то страшная сила вдавила его в постель так, что он не мог пошевелить даже пальцем.

Послышался низкий вибрирующий звук, похожий на тягучую речь, но он ничего не разобрал, а лишь ощутил панический, почти животный страх, парализовавший его сознание.

Напрягая иссякающие силы, он рывком вскочил и на негнущихся ногах вплотную подошел к незнакомцу, стараясь разглядеть его лицо, но тот с протяжным стоном привалился плечом к стене и исчез.

«Это же сон!» — кольнула губы поспешная догадка, но легкий вихрь теплого воздуха, ударивший в липкое от холодного пота лицо, развернул его к широкой кровати, где рядом с обнаженной девушкой, уткнувшейся лицом в скомканное одеяло, корчился, сдавив голову локтями, обернутый простыней мужчина.

«Кто это?!» — Но крик, ударившись в небо, застрял в горле.

Задыхаясь, он раздвинул гардины, взобрался на подоконник и высунул голову в открытую форточку.

За окном, кружась, порхали большие мохнатые снежинки и мягко ложились на сухой асфальт.

1

«Почему она плакала? Не знаю.

Слезы — безупречное и безотказное оружие в борьбе с мужским эгоцентризмом, но это извечная ошибка всех женщин, преследующая их с инстинктивной юности до маразматической старости.

Поразительная вещь — человеческий мозг! Почему-то именно в минуты крайнего напряжения он работает безукоризненно: стройные мысли льются одна за другой и сами собой складываются в какую-нибудь потрясающую концепцию, завораживающую воображение».

Марево потрескивающих крылышками снежинок размыло просветлевшую нежно-желтую полосу горизонта, разрезанную темно-сиреневым силуэтом семикупольного храма. Он вытолкнул из легких остатки закисшего, саднящего воздуха, сухо кашлянул и повернул голову направо: уверенно ступая по широкому карнизу, растворяясь в белой мути, от него удалялся колышущийся черный призрак.

От вмиг вернувшегося ужаса он дернулся, больно ударился виском о край форточки, зажмурился и, немея, бессильно повис на раме.

«Жизнь — это прекрасное, незабываемое приключение, которое человек почему-то тратит на создание и разрешение им же сотворенных проблем, на выяснение отношений с себе подобными, и все это вместо того, чтобы просто прочувствовать парящую вне его посягательств красоту».

Боль в затылке замерла, он глубоко вдохнул, задержал дыхание, поднял голову и сквозь слезную пелену увидел образовавшийся в сплошной стене порхающих снежинок сводчатый коридор.

Услышав гулкие шаги, он отвернулся, сглотнул колючий комок, и в следующее мгновение из-за далекого поворота вышел облепленный снежинками невидимый человек и, чуть пригнувшись, направился к нему.

Он снова попытался вытащить голову из форточки, но опять ударился о раму, и круговерть снежинок, поднятая его судорожным вздохом, размыла вход в коридор.

«Почему она плакала? Не знаю, да и не хочу знать. Безусловно, можно пропеть гимн красоте женского тела, прелести ее волос, глаз, губ, ее животворному началу, но невозможно победить разрушительные силы, клокочущие в женщине, как невозможно победить ее неосознанное желание вернуть себе во что бы то ни стало главенствующую роль, которая и без того принадлежала и принадлежит ей. Да и что может мужчина без женщины? Он даже родиться без женщины не может...»

Борясь из последних сил со страхом, волнами прокатывающимся по его продрогшему, каменеющему телу, он с трудом разлепил ресницы. Огромная снежинка с писком вонзилась в кончик носа и, медленно вращаясь, превратилась в серую гранитную стелу, окруженную плотным кольцом из замерших в напряженном ожидании двенадцати человек в черных бесформенных балахонах.

Внезапно вершина стелы ослепительно вспыхнула, раздался хлесткий раскат грома, кольцо черных призраков всколыхнулось и рухнуло на колени: к ним по дорожке, едва приметной в пожухлой траве, мерными шагами, держа на вытянутой руке пылающую чашу, приближался человек в черном мундире с красной повязкой на рукаве.

Ему вдруг страшно захотелось заглянуть в лицо этого мужчины, но перед его скачущим взглядом промелькнули только светло-зеленые в коричневых крапинках глаза и жесткая щеточка темно-коричневых усов под острым мясистым носом.

«Бред какой-то! Семь часов мужчина валяется в постели с полной сил и красоты девушкой, и вместо того, чтобы упиваться томной негой бархатистого девичьего тела, он углубился в созерцание вечного и неразрешимого вопроса жизни и смерти».

Неожиданно его тело задрожало мелкой дрожью, и, пытаясь усмирить эту дрожь, он стал переступать с ноги на ногу, пятка левой ноги скользнула по краю каменного подоконника — он взмыл вверх, на миг замер в тени клубящегося облака и кубарем полетел в громяющие волны свинцово-синего моря.

Жестко ударившись о пол, он завалился набок, прижал колени к груди, обхватил их руками и беззвучно заплакал.

«Все. Надроело».

Вадим Набоков открыл глаза, и страшные видения растворились в сером сумраке утра, просочившегося в спальню сквозь узкую щель в бежевых гардинах.

Возвращаясь в лучезарную действительность, он долго и не мигая смотрел на огромный белый шар под высоким лепным потолком — смотрел до тех пор, пока ему не показалось, что шар от его бессмысленного взгляда начал тихо раскачиваться.

«Нет, это уже ни на что не похоже!»

Он выполз из-под простыни и сел на краешек постели, мельком окинул белую квадратную спальню, покрутил головой, разминая затекшую шею, потянулся, разгоняя хрустом суставов пробежавший по позвоночнику озноб, и боязливо обернулся, содрогаясь от пронявшего до костей ужаса: нагая Кристина безмятежно спала, сбросив тяжелое ватное одеяло, и лишь изредка грустно, с просвистом, вздыхала.

Вадим осторожно, чтобы не разбудить ее, стянул со спинки кровати бирюзовый махровый халат, сунул в карман белые скрученные трусы, валявшиеся воз-

ле кровати, перебросил халат через руку и на цыпочках направился к двери, утопая босыми ногами в пушистом зеленом ковре.

Выйдя в длинный темный коридор, он еще раз взглянул на Кристину, в сумеречном свете слившуюся с постелью, на ее запрокинутую голову, на разбросанные по измятой подушке густые, чуть выющиеся черные волосы, на опущенные в горькой усмешке уголки губ, провел пальцем по переносице, до боли надавил ногтем на подбородок и прикрыл мерзко пискнувшую дверь.

«Жаль, конечно, — войдя в ванную комнату, подумал он, — но иначе я поступить не могу. И почему в юности мы так любим возводить воздушные замки с прекрасными и добрыми принцами и очаровательными, но несчастными до поры принцессами? Иллюзии, сладкие, но иллюзии!.. Однако объясняться все равно придется. Надо заранее все продумать и придумать, главное, чтобы все было ласково, нежно, не обидно, всю вину взять на себя: творчество, работа, никакой стабильности — волка ноги кормят и так далее, и тому подобное. Нет, это не идеальный вариант, иной раз девицы, с неделю пролелеяв оскорбленную добродетель, возвращались и, выворачивая ситуацию наизнанку, требовали новой, еще более испепеляющей страсти».

Вадим любил эту трехкомнатную квартиру на последнем этаже мрачноватого темно-серого дома. Он любил обнаженную чувственность белой спальни, в которой ничего не было, кроме огромной двуспальной кровати. Как неисправимый «донжуан» — а именно таким человеком слыл Набоков в своем кругу — он, впервые увидев этого монстра мебельного искусства, тут же назвал его «траходромом», что страшно не понравилось хозяйке спальни и всей квартиры Лауре Синеок, его старинной подруге, однокурснице по энергетическому институту, который Вадим давно и благополучно закончил, но работать по специальности не стал, а переквалифицировался в фотохудожники (фотографией он «баловался» с детства) и к тридцати семи годам достиг на этом поприще вполне ощутимых, но не выдающихся успехов, не без помощи, кстати, Лауры, которая чуть раньше, чем он, отринув условности и ложный пафос эпохи развитого социализма, пренебрегла прелестями научно-технического творчества и, бросив институт на втором курсе, поступила в ГИТИС. Однако актрисы из нее не получилось, хорошей актрисы по крайней мере, но что удивительно: она недолго сокрушалась по этому поводу, экстерном закончила театроведческий факультет и занялась театральной критикой. Печаталась она в основном в модных, но солидных изданиях, но со временем театра и театральных экзерсисов ей стало мало, и она, без особых усилий, внедрилась в киношный круг. Так вот, Лаура и поставляла своему незабвенному и, пожалуй, единственному другу Вадиму Набокову клиентов из своей постоянной тусовки.

На самом деле имя Лоры было Лаура, однако оно как-то не ложилось в мелодию русского языка, поэтому она и еще в детстве, наслушавшись насмешек, переименовала себя в Лору с молчаливого согласия отца Паоло Боярдо, третьего-степенного секретаря Союза писателей и не очень популярного поэта, прямого потомка древнего итальянского рода графов ди Скандиано.

«Фи, Вадим, это пошло и гадко называть подобным образом ложе любви», — говорила она и презрительно кривила губы. Лаура не любила его цинично-хамский жаргон и беспредельно ненавидела в нем, да и во всех окружающих, плебейские проявления. Может быть, именно боязнь нарваться на его обезоруживающее хамство и мешала ей перейти зыбкую грань давно устоявшихся взаимоотношений.

В свою очередь, Набокова жутко раздражала ее надуманная манерность и туманный мистический флер, порой переходящий в истерическую экзальтацию, и тогда, чтобы хоть как-то осадить подругу, он называл ее «графинюшкой», но случилось это редко и не прилюдно; историю ее происхождения знали немногие, а

она, будучи глубоко ранимой натурой, лишней раз старалась не привлекать внимания посторонних к своей персоне, поэтому при получении паспорта оставила фамилию своей матери, известного в медицинских кругах педиатра.

«Боже, какое наслаждение! Уф-ф!» — блаженно улыбаясь, вскрикивал Вадим, подставляя упругое тело под прохладные струи душа. Он потягивался, прогибался, хрустел суставами, приседал, фыркал, тормозил свое мужское достоинство, молотил ребрами ладоней по груди, по животу, по мощным бедрам, иными словами, сливался с реальной действительностью.

В свои тридцать семь лет он выглядел довольно молодо, лишь веерок тонких морщин вокруг цепких глаз да виски с проседью в какой-то мере указывали на его подлинный возраст.

Еще в ранней юности, когда природные силы только начинали будоражить его воображение и плоть, он, предвидя бурную молодость, стал тщательно следить за физической формой. И не ошибся, природа по достоинству наградила его, наделив удивительным сексуальным даром, которому никто не мог противостоять, даже мужчины. Однако воспитанный в лучших традициях благополучного социалистического общества с его морально-нравственным кодексом строителя коммунизма, Вадим, несмотря на природную любознательность, не мог, да и, наверное, не хотел нарушать естественный порядок вещей и предпочитал женщин, долго и упорно отвергая иные притязания. Но теперь, с приходом других общественных отношений, подобный консерватизм отражался на его карьере, и он засуетился.

Лаура, терпеливо наблюдавшая за его жалкими потугами на ниве однополой любви, однажды не выдержала, вывела Вадима на лестничную площадку после его поцелуя с молоденьким актером и влепила ему хлесткую пощечину, а затем откровенно, без обиняков, брезгливо оттопырив нижнюю губу, растолковала остолбеневшему другу истинное положение вещей: «Дорогуша моя, ты зря стараешься прыгнуть выше головы. Тебе дано то, что у нынешних мужиков просто-напросто отсутствует, так что не насилуй собственную природу. Ты, хвала Всевышнему, прирожденный бабник! Вот и спи с бабами, а мужчинок оставь в покое! Для чего это тебе? Любопытства ради? Не надо».

2

Когда Вадим стирал кончиком полотенца с выбритого лица остатки мыльной пенки, ему вдруг стало не по себе, и мерзкий холодок пробежал по переливающейся мышцами спине: он почти осязаемо почувствовал чей-то пристальный взгляд, упирающийся в затылок.

Он резко обернулся, но в ванной никого не было.

Накинув халат, Вадим приоткрыл дверь в коридор — никого, распахнул ее настежь, выглянул в коридор и тут же с треском захлопнул дверь: ему показалось, что кто-то вошел в квартиру...

Напуганный видением (а он с детства был трусоват, чего никогда не скрывал, во всяком случае от себя), он уперся лбом в дверь, крепко, до ломоты в пальцах сжимая ручку, и вслушался в тишину, но, оглушенный бухающими ударами сердца, ничего не услышал. И тут его осенило, что в резной раме большого старинного зеркала, стоявшего в конце коридора, отразился он сам, выглянувший из ванной.

— Так и сбрендить недолго! — ругнулся он, вышел в коридор и остановился на мгновение — ни скрипов, ни шорохов, ни дуновения ветерка — ничего, только где-то вдалеке работал радиоприемник.

Войдя в кухню, Вадим принялся убирать со стола остатки вчерашнего ужина:

пустую бутылку из-под шампанского — в мусорное ведро, два простеньких с золотым кантом бокала (Лаура держала эти бокалы для не слишком нужных гостей), коричневую керамическую тарелку с косточками винограда и две оранжевые чашки с засохшими чайками — в мойку, шуршащую обертку шоколада — в ведро.

Забросив в рот последний, подтаявший квадратик шоколада, он достал с полки темно-зеленую стеклянную банку с молотым кофе, положил в серебряную с деревянной подгоревшей ручкой джезвочку («Любит Лора красивые вещи!») три полновесные ложки кофе, залил холодной водой, зажег газ и поставил джезву на огонь.

«Кристина, девочка моя, видишь ли, моя жизнь сложилась так, что я не могу жертвовать своим творчеством, а следовательно, своей свободой ради любви, — проигрывал Вадим вариант разрыва, стоя у широкого и высокого окна, безучастно лицезрея, как над городом растекается сумеречная пелена, как проявляются, словно на фотографии, острые шпили двух высотных домов, расположенных неподалеку от его временного пристанища. — Я никогда, сколько себя помню, не был способен на примитивные чувства, несмотря на всю их привлекательность... Нет, примитивные чувства — нехорошо, сразу начнутся вопли, сопли, слезы... Лучше так: я не способен на обыкновенные чувства. Выбрав давным-давно тернистый путь художественного творчества, я уже не могу отречься от своего предопределения... Нет, лучше предназначения. Это означало бы совершить предательство по отношению к себе. (Высокопарно?! Ну да ладно.) Не надо обижаться, ни тем более проклинать меня, но остаться с тобой выше моих сил. Где-то я уже слышал: «Это выше моих сил...»

Вадим любил эту квартиру, однако никогда не утруждал себя размышлениями на тему: почему, собственно, ему так нравится не только бывать, но и жить здесь почти безвылазно? Лаура часто уезжала в длительные творческие командировки и оставляла квартиру Вадиму, и только ему. Нет, не то чтобы она никому не доверяла, а близких родственников у нее не было, просто она, как человек, воспитанный в старинной вере, усвоила тривиальную, но вечную мудрость: «Одна старая дружба во сто крат дороже десяти новых». Да и потом, она искренне жалела своего непутевого друга, ведущего безалаберный, а иногда разнузданный образ жизни в круговороте бесконечных девиц, порхающих по мастерской, друзей-художников, мающихся с тяжкого похмелья, плавно переходящего в следующее безудержное застолье с криками, истощными воплями в защиту безумных концепций, не стоящих выеденного яйца, и заканчивающегося непременно битьем посуды, остервенелыми плясками под громовую музыку и групповыми оргиями, которые Вадим, как прирожденный и ярый индивидуалист, ненавидел, но по слабости характера не мог отказать «друзьям». Он оставлял им ключи от мастерской и незаметно смывался гулять по ночной Москве или ехал к очередной любовнице, или звонил посреди ночи Лауре...

Она глубоко презирала его окружение, и, возможно, этот, как она говорила, «богемный плебс», также отталкивал ее от него.

Высокая, с хрупкой талией и длинными-предлинными ногами, роскошными русыми волосами с дымно-медным отливом, темно-серыми глазами под разлетом крутых бровей, прямым, четко очерченным носом, тонкими, но не злыми губами, и тихим завораживающим голосом, она была для Вадима, да и не только для него, недостижимой мечтой. Но за ее непроницаемым (а Вадим за глаза звал ее репликанткой, по аналогии с Рэйчел из его любимого фильма «Bladerunner» Ридли Скотта), за ее неземным обликом таилась легко возбудимая и легко ранимая душа, и она интуитивно боялась всяческих хамских проявлений как с его стороны, так и со стороны его друзей-приятелей, но тем не менее была твердо убеждена, что он никогда не предаст ее, и была верна двадцатилетней дружбе, которая так

и не переросла в нечто большее, несмотря на порывы, периодически — теперь уже реже — охватывавшие ее друга.

«Если что-то должно произойти, то непременно произойдет, без всякого насилия, а раз ничего не происходит, то нечего и копыя ломать. Двадцать лет назад, когда я была... Короче, дорогуша моя, дважды в одну и ту же реку не войдешь, извини за банальность».

И в работе, и в любви ее увлекало прежде всего эстетическое постижение процесса любовных отношений мужчины и женщины, а грубое материальное воплощение любовных игр представлялось ей жалкой и незначительной деталью, удовлетворяющей лишь физиологические потребности животной природы человека. Нет, Лаура отнюдь не отказывалась от плотских утех, у нее были любовники, изредка она даже совмещала несколько увлечений одновременно, но предпочитала любовные приключения платонического характера. Игры ума увлекали ее гораздо больше, нежели примитивные отношения полов.

Кофе вскипел, и черно-коричневая масса, перелившись через край, загасила конфорку.

Вадим в два шага пересек кухню, выключил газ, подхватил джезvu и поставил на разделочный стол, неторопливо достал с полки черную стеклянную чашку и серебряную сахарницу в виде миниатюрного античного кубка, налил кофе, рассеянно бросил две ложки сахара, не глядя помешал и, отодвинув ногой стул, сел за обеденный стол, сделал маленький глоток, закатил, счастливо жмурясь, глаза и потянулся за пачкой дамских сигарет, лежавшей на укрепленном над столом трехпрограммном приемнике. Вообще-то, опасаясь всевозможных последствий для своего драгоценного здоровья, он не курил, но когда невеселые мысли одолевали его (это случалось довольно редко, он всегда старался задавить уныние в зародыше), Вадим позволял себе некоторые слабости.

В отличие от всей квартиры, кухня не несла печати эстетических пристрастий хозяйки, которая с детства терпеть не могла заниматься бытом и всеми проблемами, с ним связанными, поэтому, когда у нее собирался небольшой бомонд, она никого не пускала на кухню, размахивая руками и восклицая: «Это мой заповедник, моя тайная епархия!» На деле же Лаура пыталась скрыть свою откровенную беспомощность в области кулинарии. Единственное блюдо, которое она мастерски делала: салат из кальмаров с яйцом, майонезом, отварным рисом, ошпаренным луком и специями, купленными ею на кинофестивале в Индии.

«А, собственно, почему я должен расстаться с Кристиной? Она прелестная ласковая киска! Боже мой, а какие восхитительные штучки она придумывает! Нет, это уже ни в какие ворота не лезет! Разойтись с классной девчужкой только из-за пошлых примет?! Нет уж, дудки!» — Вадим глотнул кофе, обжегся, подскочил к окну, дернул замусоленную капроновую веревочку фрамуги, и по кухне растекался шум оживающей улицы.

Смотря на осеннее, еще хмурое небо, рассеченное черными, угрожающе проблескивающими шпилями высотных домов, он нащупал на каменном подоконнике коробок спичек, чиркнул и медленно поднес спичку к кончику тонюсенькой сигареты, сладко затянулся, но поперхнулся и резко выдохнул, почти выплюнул сладковатый дым.

— А, черт! — Угасая, спичка обожгла пальцы незадачливого курильщика.

«Не везет, так не везет с самого начала — это как закон!» — держась за ухо обожженными пальцами, подумал Вадим, прикрывая дверь на кухню, чтобы дым не расползся по квартире: хозяйка не любила, когда в комнатах витал хотя бы намек на горьковатый запах курева или кислый аромат алкоголя; она знала, стоит один раз пойти против своих привычек, как неведомые силы разрушения тотчас нагрянут в ее и без того напряженную жизнь.

«Что, собственно, произошло? И почему я не могу до сих пор прийти в себя?»

— Осторожно прихлебнув кофе, Вадим снова подошел к окну, посмотрел на запруженную автобусами улицу, на полукруглый застекленный «фонарь» парадной лестницы соседнего Дома культуры, на бордовое угловатое здание автобусного парка, построенного на заре новой, но стремительно исчезающей общественно-политической формации самым ярким советским архитектором-конструктивистом, и поднял глаза на готовую взорваться пелену серых облаков.

«Нет, точно, я вне себя! Но тогда где я? Так, с чего начался вчерашний день?»

— Вадим вдруг понял, почему ему так нравится эта квартира.

«Как просто! Широкий карниз отсекает от квартиры весь остальной дом, и она будто парит в воздухе. Вот это да!» — восхищенно присвистнул он, и картинки вчерашнего дня потянулись одна за другой.

«Утром, открывая холодильник, я пролил уксус. Это первое. А зачем я его туда поставил? Ладно, не важно. Затем, когда пил кофе с Кристиной, опрокинул сахарницу, это второе. Кристина ускакала в свое училище, потом позвонила из Парижа Лаура и сообщила, что прилетает завтра, то есть уже сегодня, а не через неделю, как намечала, это третье. Я стал приводить квартиру в порядок, что, в общем-то, не составило большого труда... С двенадцати до пяти я был в мастерской: сперва с Олегом Грюнбергом, потом позвонила Кристина, напросилась еще на одну ночь, затем пришла Танечка... Очаровательная малышка, надо будет ей обязательно заняться, но чуть попозже, очень свеженький экземпляр, кожа упругая, шелковистая, так и благоухает... Только фамилия забавная — Булкина. Она, кажется, и сама не прочь вкусить чего-нибудь такого — запретного. Правда, надо узнать, сколько ей лет, а то потом хлопот не оберешься. Что было дальше? Вспоминай, дорогуша моя, как говорит Лаура».

Вадим докурил сигарету, затушил ее в черной гуще выпитого кофе, поставил чашку в мойку и, ероша серые жесткие волосы, вернулся к окну.

Утро наступило — пасмурное и свербящее, но бирюзовая полоска неба на далеком горизонте за поблекшими в утреннем мареве шпилями явно собиралась раскинуть над городом голубой шатер зыбкого осеннего тепла.

«Ой-ей, тепло! И в голове снова, жмурясь на солнце, зашевелиятся пленительно чарующие, но, к сожалению, уже несбыточные мечты. Жить и дышать станет легче, но будет чуточку грустно, что солнечное разноцветье осени продлится недолго и что так долго придется ждать его вновь. Фу ты, Чехов какой-то!»

Перед уходом из мастерской позвонил Сашка Градобоев, рассказал какую-то бредовую историю о новой заявившейся в солнечную систему комете, которая якобы может упасть на одну из планет. Потом долго и нудно трендел, что это знак и что люди немедленно должны задуматься над своим образом жизни, перестать истязать друг друга и творить только добро. Смешной, ей-богу, можно подумать, он знает, что такое «добро»? Этого никто не знает. По дороге от метро я заскочил в «Дары Дона», купил шампанское, шоколад, сосиски, кофе... да, еще кисточку винограда... Стоп-стоп-стоп! В метро за мной увязался какой-то мужик, лет пятидесяти, в сером затасканном пальто и бордовой шапке, мне еще его взгляд не понравился, едкий такой, будто насквозь прожечь хочет, на выходе с эскалатора он толкнул меня плечом, пробурчал что-то, извиняясь, и по его смуглому лицу пробежала, словно тень, нервная судорога, глаза потухли, и он растворился в толпе.

Нет, это лабуда. Часов в десять пришла Кристина — жутко красивая, как фея, в облаке блестящих капелек дождя, но смертельно продрогшая. Она побежала в горячий душ отогреться, я тоже разделся и хотел было присоединиться к ней, но тут раздался... Да, чуть было не забыл, надо позвонить Дюше, стрельнуть машину на вечер и встретить Лауру».

Вадим потянулся было к телефону, висевшему рядом с приемником на стене, и замер — перед его взором всплыла вчерашняя картина: он скидывает на пол

халат, и, прикрывая рукой мужское достоинство, словно стесняясь собственной наготы, распахивает дверь в ванную комнату, слышится радостный визг Кристины...

Внезапно все исчезает, и перед Вадимом, ощущающим, что видение перерастает в осязаемое наваждение (краем глаза он увидел, как померк свет за окном), появляется его телесный двойник, садится напротив и плавно, будто он двигается в воде, протягивает руку к телефону, и следом за оглушительным клацем рычажков из трубки по столу расползается низкий тягучий голос: «Вы должны прекратить поиски утраченного! Иначе... » Лицо двойника бледнеет, и, будто спотыкаясь, он говорит: «Вы, наверное, ошиблись номером».

Сделав над собой усилие в попытке избавиться от наваждения, Вадим отвернулся и с трудом закрыл глаза.

А когда открыл их, в кухне никого не было, только солнце, прорвавшее облака, широкими пыльными лучами падало на синие стены и темно-серый линолеум.

— И после этого звонка я впал в истерику. Нашел! Да, именно тот звонок выбил меня из колеи, я страшно задергался и наговорил кучу гадостей Кристине, — лихорадочно бормотал Вадим Набоков, отыскав наконец, как ему казалось, опорную и, вероятно, отправную точку необъяснимых событий прошедших дня и ночи. — Все понятно. Надо будет ее успокоить, когда проснется. Но кого мне напоминает этот голос, где-то я уже его видел, тьфу, слышал... Ого-го! Да нет, видел! Это тот самый смуглый мужик, который крутился возле меня в метро. Мистика! Расскажешь, не поверят!

В темной прихожей раздался переливчатый звонок в дверь.

Вадим подпрыгнул на месте, больно ударившись коленями о нижнюю раму стола.

3

— Доброе утро. Извините, пожалуйста, за столь ранний визит, но мне срочно надо побеседовать с Андреем Лонгиным.

Перед растрепанным Вадимом, с трудом растворившим тяжелую входную дверь, обитую черным дерматином, стоял, стягивая тугие черные перчатки, высокий, сухощавый мужчина в черном, глухо застегнутом пальто военного покроя, черной широкополой шляпе и закрывавших половину лица очках с затемненными стеклами в роговой оправе.

— Нет таких, — просипел Вадим и почему-то отступил назад, пропуская незнакомца, который, пряча перчатки в карман, вошел в прихожую, тускло освещенную маленьким галогенным светильником, вмонтированном в подвесной потолок.

— Вы уверены? — спросил тот, всем своим видом показывая, что не доверяет сказанному.

— Да. А в чем, собственно, дело-то, позвольте узнать? — поинтересовался Вадим, приходя в себя не то что бы от испуга, но от какого-то летучего страха, прохватившего тело едва заметной тряской конечностей. Ему не нравилась бесцеремонность, с которой незнакомец изучал сантиметр за сантиметром видимую часть квартиры, не обращая внимания на его персону, будто его вовсе и не существовало.

— Разрешите представиться, Макс Грен, полковник в отставке. — И мужчина, словно щупальце, выбросил из узкого рукава руку.

Вадим инстинктивно отпрянул, но понимая, что ведет себя глупо, с замиранием сердца вложил отсыревшую ладонь в разжимающуюся, словно пасть, кисть гостя. На первый взгляд, сухая и жилистая рука полковника не производила впе-

чатления огромной, но она полностью поглотила руку Набокова. Рукопожатие было стремительным и крепким, но Вадим успел заметить на тыльной стороне руки, среди клочков седых волос продолговатый бугорок лилового шрама.

— Удар штыком на прошлой войне, — перехватил его взгляд Макс Грен.

— Прошлой?

— На Великой Отечественной, молодой человек.

Если в этой фразе и прозвучала ирония, то Вадим ее не почувствовал, и не только потому, что испытывал какой-то невыразимый словами дискомфорт в присутствии странного гостя, но и потому, что после ночных видений ему везде мерещились мрачные бесплотные сущности, посягавшие на его душу. Ему казалось, что он находится в чьей-то незримой власти и ничего не может поделаться с собой, беспрекословно подчиняясь импульсам, поднимающимся откуда-то из подсознания.

Вот и сейчас, ранним осенним утром, столкнувшись лицом к лицу с этим человеком — «черным человеком», как он окрестил нежданного гостя, — он чувствовал, что не может ему сопротивляться, несмотря на закипающее внутри негодование.

«Имя наверняка вымышленное, где это видано, чтобы полковник Советской армии был с такими именем и фамилией», — подумал Вадим.

— А с чего вы решили, что я полковник Советской армии? Почему вам не пришло в голову, что я могу быть полковником немецкой армии или американской? — спокойно спросил Грен, стоявший спиной к зеркалу, и казалось, что не только он находится в сумрачной прихожей, но и его двойник, который молча следит за малопонятной беседой людей, случайно сведенных судьбой.

Рассеянный, неживой белый свет (идеально белый свет всегда угнетал Вадима) конусом падал с высокого потолка, прорисовывая на темно-зеленых стенах бледные параболы, и освещал во весь рост фотографа, который мгновенно сужился от вопроса, озвучившего его мысль. А полковник, продолжавший изучать Набокова и намеренно расположившийся вне светового потока, напротив, ощущал себя хозяином положения.

— Единственное, о чем я вас попрошу: не впадайте в истерику. Вы слабо представляете, какое жалкое впечатление производят на меня трусы, — угрюмо блеснул стеклами очков полковник.

Впервые за несколько минут этого бессмысленного разговора Вадим ощутил толчок гнева в саднящее небо.

— Итак, вы утверждаете, что не знаете Андрея Лонгина?! Но тогда позвольте спросить... Ну, приободритесь, друг мой, самое страшное позади. Кому принадлежит эта квартира? Насколько мне известно, вы здесь явление временное.

— Вы из КГБ?

— Нет, из РЭУ. Да прекратите вы трястись и говорить глупости! Я задал вам четкий и ясный вопрос и хочу получить столь же четкий и ясный ответ. А вы, как в Одессе, отвечаете вопросом на вопрос. Грешно, молодой человек, испытывать терпение человека, который едва ли не в два раза старше вас.

— Неужели?

— К тридцати семи годам вы сохранили уникальную детскую черту — непосредственность. Хорошо, я скажу вам кто я, хотя это и противоречит моим принципам и правилам, но это будет потом, когда вы, наконец, ответите на мой вопрос. Повторяю: кто хозяин этой квартиры?

— Лаура Синеок, моя однокурсница по институту, но ее сейчас нет, она в командировке в Париже и вернется только сегодня вечером. Я должен ее встретить и передать ключи.

— Ах, в Париже. Замечательный город! Вы бывали в Париже? Нет?! Очень жаль! Я тоже не был, если не считать мысленных путешествий. Не пробовали?!

Попробуйте обязательно, это так увлекательно, ни одно из приключений в нашей грубой материальной действительности не сможет сравниться с этими поразительными ощущениями. Однако что-то я заболтался. Если хозяйки нет, то кто в таком случае так горестно вздыхает за этой дверью?

— Моя знакомая, — пробормотал застигнутый врасплох Вадим.

— Извините, не хотел вторгаться в вашу интимную жизнь. И все же вы утверждаете, что никогда не слышали такого имени — Андрей Лонгин?

— Нет, не слышал.

— Может быть, это знакомый Лауры Синеок? Или ее друг? Надеюсь, вы понимаете, что под этим я ничего не подразумеваю, — так и не двинувшись с места, продолжал свой допрос полковник.

Вадим отрицательно покачал головой.

— Странно. А сколько лет вы знакомы с вашей Синеок?

— Двадцать, без малого.

— Большой срок. А может быть...

— За связи в детском саду я не поручусь, — резко оборвал Набоков, непрощенный гость начинал раздражать его своими бесконечными вопросами и предположениями. — Так, хватит! Если вы не из КГБ и не из РЭУ, то по какому праву вы врываетесь в чужую квартиру и учиняете здесь допрос с пристрастием? — ринулся в атаку Вадим, но ошеломляющая догадка опрокинула его. — Уж не вы ли вчера звонили сюда и угрожали мне?

Полковник вздрогнул: он не ожидал такого поворота, снял очки, смял рукой лицо и, не говоря ни слова, шагнул к выходу.

И в этот миг вторая, вытекающая из первой догадка настигла Набокова.

— Это вы вчера крутились вокруг меня в метро?! Кто вы такой и что вам от меня надо? — истошно завопил он и двинулся на сникшего гостя, который как-то сразу съезжился, и, постукивая пальцем по медной полированной ручке двери, тоскливо посмотрел на Вадима.

— Ах, молодой человек, если бы вы знали, кто я на самом деле, наверное, долго бы смеялись, приговаривая: «Ах, бедный, бедный Макс Грен», — но вот уже шестьдесят лет меня зовут так и никак иначе. Может быть, когда-нибудь я расскажу вам историю своей жизни. Впрочем, это совсем необязательно. Моя жизнь, за исключением трех действительно захватывающих эпизодов, череда обычных, ничем не примечательных событий. И не советую вам так сильно нервничать, это впоследствии может отразиться на вашем здоровье. Кстати, это ваша куртка? — Полковник указал на зеленую кожаную куртку, висевшую на вешалке.

— Вон, мерзкий старик! — заорал Вадим и зажмурился в бессильной злобе.

Скрипнула дверь спальни, и в узкую щель просунулась взлохмаченная голова Кристины.

— Что случилось? На кого ты так кричал?

— Мерзкая гадина! Гнида! — скрежеща зубами, прорычал Набоков вслед исчезнувшему, словно испарившемуся гостю: кровь прилила к голове, лицо побаловало, а дыхание стало неглубоким и судорожным.

— Это ты мне? — пролепетала Кристина, ее заспанное лицо побледнело, глаза округлились и заблестели от вмиг навернувшихся слез, а уголки пухлых покусанных губ опустились.

— Да при чем тут ты?! — в сердцах отмахнулся Вадим.

Из печальных глаз девушки брызнули слезы, и, хлопнув дверью, она громко, со стонами и завываниями, зарыдала.

— Ах ты, Господи, Боже мой! — пробормотал Набоков, обхватил голову руками, сдавил что было силы, пытаюсь утихомирить хаос беспорядочно мечущихся мыслей, и побрел по коридору.

В кухне он наполнил доверху белый эмалированный чайник, поставил на плиту и зажег газ, а затем, будто опомнившись, решительно направился в спальню, откуда все еще слышались рыдания, но, не дойдя до нее, круто свернул в гостиную.

Очнулся Вадим в кабинете-будуаре, плавно вытекавшим из гостиной, у широкого окна, выходившего на улицу, и тупо уставился на плешивое поле заброшенного стадиона, по истертым дорожкам которого — кто парами, кто в сосредоточенном одиночестве, — бежали люди, а те, кто уже отмерил свою норму, сидели на камнях разрушенных трибун и с притворным воодушевлением наблюдали за маленьким мальчиком в сине-зеленом спортивном костюме, игравшим с рыже-черной колли, непрерывно лаявшей в бесплодных попытках отнять у него обломок теннисной ракетки.

На верхней площадке трибуны, под посеревшей статуей дискоболки с аппетитными формами, усиленно пытался придать гибкость своим дряблым членам пенсионер в темно-синем трико и черном берете. Он взмахивал то одной рукой, то другой, приседал, подпрыгивал и, не отрываясь, смотрел на статую, пробуждавшую в нем давно угасшие желания, а может быть, и воспоминания.

За стадионом переливался разноцветными листьями запущенный детский парк, узким клином врезавшийся в нагромождение серых, похожих на контейнеры зданий какого-то научно-исследовательского института.

В этом парке и на стадионе давно — более двадцати лет назад — Лаура Синок вместе с одноклассниками занималась физкультурой под руководством молодого преподавателя, мастера спорта по толканию ядра, который нравился почти всем девочкам ее класса: его мощная мускулистая фигура олицетворяла их тайные и еще не до конца осознанные желания.

Мысли, словно осатаневшие от безумного количества адреналина, выброшенного в кровь, кружились в сознании Вадима, проскальзывая одна за одной, и, несмотря на отчаянные усилия, не складывались в сколько-нибудь приемлемую, а главное, логически завершенную картину произошедшего.

«С одной стороны, ничего экстраординарного не произошло. Какой-то мужик в старческом маразме, не в киллеры же его записывать в таком почтенном возрасте, перепутал, бедняга, все на свете: и время, и место, и людей, явился в чужую квартиру в поисках человека, с которым, судя по всему, не знаком. А может, он чей-то дед, и этот Лонгин совратил его единственную внучку? Или его Кристина навела?! Нет, бред сивой кобылы! Ее дедульки давным-давно вымерли, да и родом она не из Москвы. Эта версия отпадает. Но с другой стороны, вчерашний телефонный звонок и сегодняшнее явление, ведь этот Макс Грен не отрицал, что именно он звонил вчера, хотя ничего и не подтвердил, а в зашоре мне могло и показаться... Нет, ерунда! Но тогда почему мне так хочется разобраться в этой ерунде? Эх, неспроста это, ох, неспроста... »

И продолжая пребывать в не характерном для него состоянии анализа стремительно разворачивающейся ситуации, Вадим прошествовал на кухню, выключил закипевший чайник и вернулся в будуар. По пути он прислушался к происходящему в спальне — рыдания затихли и лишь редкие и протяжные всхлипы с причитаниями: «Ой, мамочка», — говорили о том, что истерика пошла на убыль.

Он снова подошел к окну, раздвинул тюль и посмотрел на стадион: пенсионер с упорством сексуального маньяка продолжал поедать глазами гипсовую красавицу, а остальные борцы за здоровый образ жизни уже покинули стадион, только в дальнем углу, за сеткой, на раздолбанной баскетбольной площадке шестеро мальчишек гоняли мяч.

Еще раз взглянув на упертого старика, Вадим криво усмехнулся, вспомнив, как его отец, попав первый раз в больницу с микроинсультом, страдал вот от такого же неумемного старика, который, затерявшись в закоулках своей памяти, каждую

ночь будил его и звал брать банду кулаков где-то в новгородской губернии.

«Наверное, Макс Грен из той же серии, никак не может смириться с собственной ненужностью и терроризирует окружающих поисками врагов народа».

Тут Вадим поймал себя на том, что никогда прежде не задумывался над подобными вещами, но сколько себя помнил, ему было чуждо все, что связано с новейшей историей страны. Его равнодушие зиждилось на инстинктивном страхе толпы — толпы как бездумной, неуправляемой системы. Еще в институте, когда в громадной аудитории собирался весь курс, он чувствовал, как неизвестно откуда возникающая дурнота прохватывала его и заставляла взбираться на последний ряд амфитеатра, где с высоты он мог спокойно наблюдать и только наблюдать, не вникая в процессы, будоражившие его однокурсников.

Нет, он не презирал людей, он был равнодушен к ним и проблемам, не касавшимся его личных интересов. Вероятно, поэтому Вадим никогда не заводил романов на курсе, ему хватало остальных восьми факультетов института с пятнадцатью тысячами студентов, добрую половину которых составляли очаровательные девушки. И они любили его, иногда страстно, чаще неумело, но любили, — они любили его еще и потому, что он обладал исключительной, вернее, редкой способностью находить у представительниц женского пола, даже у записных дурнушек, привлекательные черты, которые умело гипертрофировал, и девица, не в силах сдержатъ низвергающийся на нее поток милых глупостей, благосклонно отзывалась на обычно внезапный, но хорошо отрепетированный порыв обаятельного соблазнителя.

Вадим чувствовал и понимал, что необходимо покончить с воспоминаниями. Нет, он не отказывался от своего прошлого, но не мог и не хотел жить им, оно терзало его и раздиргивало ненужными подробностями, некстати всплывавшими в памяти. В такие моменты он и раньше долго не находил себе места, а в настоящий момент тем более. Непредвиденные события, словно снежный ком, свалившиеся на его «бедную» голову (он трепетно относился к своим переживаниям, это позволяло ему говорить многое и достаточно откровенно, не задумываясь над последствиями), эти события были отнюдь не иллюзией или дурным сном, в них было что-то потустороннее, которое он недолюбливал, но всегда ощущал его присутствие в своей стихийной жизни.

Он отошел от окна, сел в низкое лиловое кресло, сложил руки на груди, нарочито шумно выдохнул и замер, снова и снова пытаясь справиться с обжигающим нервы вихрем мыслей, ему даже почудилось, что его голова чуть-чуть разбухла от обрывков видений и ускользающих образов.

«Господи, так действительно «крыша» поедет! Теперь я понимаю, почему Герман из нормального художника и дамского угодника превратился в глубоко-мысленного идиота, беспрерывно рассуждающего о высоких энергиях, витающих над нами грешными».

И вдруг беспричинный страх пробрал Вадима до костей, он поджал ноги и затрясся мелкой дрожью: перед ним, у противоположной стены, рядом с софой появилась колеблющаяся фигура длинноволосого, одетого в джинсовый костюм седого мужчины с косматой широкой бородой и резной тростью в левой руке, который укоризненно посмотрел на него и, пригрозив пальцем, прошелестел: «Молчи. Предательство — худшее из зол».

4

Прошло несколько минут, прежде чем Набоков ощутил, что он все еще пребывает в реальной действительности.

Первое, что он сделал: потянул носом воздух, но ожидаемого резкого и не-

приятного запаха не почувствовал — воздух был недвижим и осязаем. Тогда он встал и, на всякий случай выкинув вперед правую руку, сделал пару куцых шагов — ничего, ни стеклянной преграды, ни воздушного пузыря, никаких препятствий.

Переведя дыхание, Вадим осторожно подошел к софе и внимательно осмотрел ее и все вокруг: подушечки, бра, раскиданные журналы, скомканное, шитое золотыми нитками покрывало, — ничего, и тут на узкой полоске паркета он заметил маленький черный кружок, будто мгновение назад кто-то стоял здесь, опираясь на трость.

— Нет, это уже ни на что не похоже! — простонал Вадим, закрыл лицо руками и рухнул как подкошенный на софу.

Однако вскоре спокойствие вернулось к нему, он снова сложил руки на груди (это была его любимая поза — поза Наполеона в раздумье) и еще некоторое время не мигая смотрел в потолок, затем сел, широко расставив ноги, и решил, что у него есть единственный способ избавиться от всей этой чертовщины, а только происками дьявола или его адептов он объяснял увиденное — ему необходимо заняться каким-то, все равно каким, но конкретным делом.

Вадим понимал, что попал, сам того не желая и не подозревая, в незримый, кем-то очерченный заколдованный круг и что все его видения, а также неожиданные явления вызваны или процессами, происходящими в природе: погодой, магнитными бурями и прочими катаклизмами; или местом его нынешнего обитания, то есть квартирой Лауры.

— Так, надо позвонить Дюше и перехватить машину, это первое; второе, Кристина... Ладно, с этим потом, — подбадривая себя, громко произнес Вадим, резко взмахнул рукой и бросился из комнат в кухню, к телефону.

На пороге кухни он остановился и взглянул через плечо на отражение в далеком темном зеркале: в светлом проеме двери красовался согбенный силуэт незнакомого ему человека, руки которого, болтаясь, существовали как будто отдельно от туловища, а краса всей его статной фигуры — длинные и стройные ноги, превратились в кривые и дряблые прутики.

«Во, чучело-то!» — Не успел он подумать, как лицо его зеркального двойника озарилось синевато-мертвенным светом, и Вадим увидел сморщенного старика, который улыбался ему во весь огромный и беззубый рот.

Он попытался взглянуть в показавшееся знакомым лицо, но отражение расплылось и исчезло. В зеркале снова возникло его привычное отражение с выпяченной вперед, будто на военном параде, грудью. Ему стало не по себе, он понял, что промелькнувшее в зеркале отражение — его старость, по-детски умильная и беззубая, и вспомнил страшный утренний сон с порхающими снежинками и все свои (а свои ли?) рассуждения о роли женщины в жизни мужчины.

Стараясь в который уже раз не поддаться затерзавшим его эмоциям, Вадим внезапно и совершенно отчетливо осознал, что этой ночью с ним произошла какая-то неведомая ему метаморфоза, а может быть, и катастрофа, что он невольно проник в те сферы человеческого бытия, о существовании которых он раньше не задумывался, а если что-то подобное и возникало в его жизни, то он не придавал этому серьезного значения и гнал от себя, самонадеянно полагая, что на его жизнь эти процессы не распространяются.

Теперь все было наоборот. Вадим думал, что зря пренебрегал проявлениями так называемого астрального мира, потому что, будь он более чуток к необъяснимым с человеческой точки зрения явлениям, то, возможно, получил бы огромное преимущество перед другими людьми, и с материальной точки зрения в том числе, поскольку на исторической грани распада империй неизбежно возникает потребность в чудесах, а за чудеса, как известно, платили и будут платить очень хорошо. В голову полезли вселенские фантазии, но будучи человеком здравомыслящим, сформированным в строгой системе вычислительной математики,

Вадим сумел остановить лавину смутных идей, прибегнув к проверенной годами, ключевой для его сознания фразе: «Отыщи внутреннюю доминанту».

Однако так ярко вспыхнувшее, заморозившее его сознание озарение заслонило одну достаточно простую мысль: что не он — Вадим Набоков, управляет своими фантазиями, а они им, что не он, а чья-то безмерная воля, распростершаяся над ним, двигает и направляет его, что только она позволяет или запрещает ему, всей его духовной сущности действовать тем или иным образом, — нет, эта закономерная для нормального человека мысль пронеслась мимо него.

Не обнаружив в спальне Кристины, Вадим, затаив дыхание, обошел кровать — никого и ничего, кроме свернувшихся черных трусиков и черных блестящих колготок, бесстыже валявшихся на пушистом ковре.

Подняв трусики, он раскрутил их, растянул на пальцах, повернулся в окно и стал рассматривать, перебирая пальцами.

— Ты что делаешь? — Из-за качнувшейся гардины вынырнул испуганный серый глаз.

— Любуюсь.

**Если вам нравится эта книга, заплатите за остальные главы
через WebMoney на сайте flandrin.ru.**

© Б.Н.Горбунов. Правообладатель. 2006.